

© 1992 г.

В.О. РУКАВИШНИКОВ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

(Россия, середина 1992 г.)

РУКАВИШНИКОВ Владимир Олегович — доктор философских наук, зам. директора Института социально-политических исследований (ИСПИ) РАН, зам. главного редактора нашего журнала.

Современная ситуация в России во многом детерминирована важнейшими событиями второй половины 1991 г., инерционностью кризисных процессов в экономической сфере, равно как и деятельностью Президента, правительства, парламента и противоборствующих политических сил в текущем году. Она является продуктом взаимодействия объективных и субъективных, внутренних и внешних, экономических, политических, психологических и иных факторов, в том числе геополитического характера, ранее обычно не принимавшихся в расчет при рассмотрении ситуации внутри российской республики и учитывавшихся, как правило, лишь при оценке военно-стратегической ситуации применительно к Союзу ССР в целом. Исходным моментом, фундаментально важным для понимания отличия современной ситуации от положения, существовавшего в республике на рубеже 1992 г. и уж тем более год назад, является тот факт, что после августовского путча и распада СССР Россия стала принципиально иным государством в политическом, экономическом, военном и географическом отношениях. Данное обстоятельство во все возрастающей степени оказывает влияние на облик российского общества в целом.

Подробнее эти вопросы будут рассмотрены ниже с использованием результатов всероссийского почтового опроса взрослого городского населения, проведенного под руководством автора сектором социальной динамики ИСПИ РАН в апреле—мае 1992 г. (объем выборки 1167 человек, погрешность 3%), материалов исследований Центра социологии межнациональных отношений и Центра социологии политических отношений ИСПИ РАН, а также данных опросов общественного мнения, проведенных другими организациями.

Общество бедных

Окончание первого полугодия 1992 г. знаменует согласно заявлениям руководителей правительства завершение первого этапа реформ. Вот общий итог: среднедушевые доходы ниже официально объявленного прожиточного минимума имеют свыше 90% населения [1]. Всех этих людей можно с полным правом назвать бедняками: в цивилизованном мире к бедным слоям населения относят людей, живущих ниже уровня прожиточного минимума и использующих свой доход на приобретение товаров и услуг только первой необходимости. И хотя, по имеющимся данным, от голода пока еще никто не умирает, значительная часть населения приблизилась или даже перешагнула опасную черту физиологического уровня выживаемости (в феврале по мнению некоторых экспертов за чертой физиологического уровня выживаемости находилось более 30 млн. человек [Там же]). По оценке Н. Римашевской, в 1992 г. текущее потребление снизилось до уровня конца 1950-х годов, затраты на питание составляют 70—75% от доходов семьи, а темпы падения жизненного уровня таковы, что за год россияне отбрасываются к положению, существовавшему 20 лет назад [2]. Согласно проекту государственного бюджета на 1992 г., направленному правительством в парламент в мае, при росте номинальных денежных доходов населения на 850% по сравнению с 1991 г. реальные денежные доходы сократятся примерно на 30% [3]. Нам представляется, что падение доходов будет существенно большим, и статистика в конце года вновь опровергнет «радужные» надежды правительственных экономистов, расчетам которых, как показал «незапланированный» кризис наличности, едва ли можно доверять. Учитывая многочисленные заявления Президента Б.Н. Ельцина о том, что «надо потерпеть» и что в ближайшие месяцы положение не улучшится, несложно предвидеть дальнейшее снижение текущего потребления и жизненного уровня — по видимому уже к показателям середины 1950-х годов. Тем более, что согласно расчетам все тех же правительственных аналитиков начало периода стабилизации в российской экономике следует ожидать только к 1994 г. Ну, а тогда, следуя логике, мы скатимся по видимому уже к показателям конца 40-х послевоенных лет... И вновь приступим к восстановлению разрушенного перестройкой и постперестроечными экспериментами хозяйства страны. Не хотелось бы думать, что тогда базой для сравнения могут стать показатели 1984—1985 гг. — уровня жизни в начале перестройки, подобно тому как долгие годы достижения страны победившего социализма сопоставлялись с показателями России 1913 г., с тем, как жила страна перед первой мировой войной.

Главное, что определяет оценку современной социально-экономической ситуации в массовом сознании, это крайне низкая степень удовлетворенности как жизнью в целом, так и отдельными характеристиками жизненной ситуации (материальным положением, состоянием здоровья, окружающей среды, положением в сфере образования, здравоохранения, охраны правопорядка, на транспорте и т.д.). Только от 1 до 3% опрошенных в различных регионах страны, давая оценку своим доходам, считают их достаточными для того, чтобы сегодня жить, ни в чем себе не отказывая. Остальные затягивают пояса. Ситуация усугубляется пессимистичностью социальных ожиданий-прогнозов в отношении ближайшего будущего. Лишь 10% взрослых жителей российских городов и поселков ожидают изменений к лучшему в своей жизни в ближайшие год-два (это в большинстве своем очень молодые люди), еще 14% — до 1995 г., остальные (76%) надеются, что перемены произойдут к 2000 г. или XXI веку. Опросы в различных регионах страны подтвердили эти оценки: в среднем лишь четвертая часть опрошенных ожидает улучшения материального положения своей семьи в ближайшие два-три года.

В экономике страны и в психологии ее граждан произошли существенные сдвиги, делающие возврат к тоталитаризму и прежней практике ведения хозяйства практически невозможным. В актив нынешнего российского руководства следует отнести прежде всего сам факт перехода от слов к делу, от разговора о необходимости кардинальных перемен к практическим шагам. Это не означает, впрочем, наличия в обществе согласия относительно стратегии и тактики реформ, их содержания и темпов.

Нет согласия по наиболее острым проблемам развития страны. Так, например, если одна половина респондентов в апреле—мае полагала, что «Ельцин слишком торопится с реформами», то другая придерживалась прямо противоположного мнения; точно такое же

Динамика представлений о границах бедности и богатства в общественном мнении россиян (средневзвешенные по выборке величины дохода на члена семьи в руб./мес.)*

Уровень	1989 (октябрь)	1990 (май)	1991 (февраль)	1992 (апрель)
Граница «бедности» при доходе на члена семьи <i>ниже</i>	160	161	163	1382
Граница «богатства» при доходе на члена семьи <i>выше</i>	686	1000	1 100	7588

* По данным почтовых опросов взрослого городского населения России.

соотношение мнений было и по вопросу о том, сможет ли наша страна выйти из кризиса без зарубежной помощи.

В общественном мнении доминирует трезвая оценка цены и характера проводимых реформ: богатые богатеют, а бедняки беднеют (таблица). Материальное положение становится по мнению большей части опрошенных определяющим фактором разобщения людей. Отсюда неприязнь к преуспевающим, взваливание на новых российских бизнесменов всей ответственности за тяготы жизни, с которыми сталкиваются бедняки.

Реформы не привели пока к созданию новой мотивации к труду, не подняли авторитет честного производительного труда. Напротив, в глазах молодежи хозяевами жизни стали перекупщики. На повседневном опыте каждый убеждается во внутренней пустоте утверждений, что более усердной работой можно улучшить свое положение. Престиж инженерного, сложного интеллектуального и творческого труда резко снизился. Результаты очевидны: пускаются на ветер интеллектуальные ресурсы страны, разваливаются промышленность, наука, образование, здравоохранение, искусство. Все большее число специалистов уходит из этих в другие сферы, выезжает из страны. Выказали желание уехать за границу если бы им позволили обстоятельства, в среднем 16% участников почтового опроса, а среди 20—24-летних — 46%, представителей технической и гуманитарной интеллигенции соответственно 20 и 24%, среди студентов — 37%.

Социологи разных стран мира отмечают такую общую закономерность: чем беднее человек, тем он экономически пассивнее. Это легко объяснить. Для того, чтобы открыть свое дело, нужен первоначальный капитал. У подавляющего большинства наших сограждан его не было и нет, инфляция и рост цен съели даже те немногие сбережения, которые у людей имелись. Их удел — не предпринимательство, а наемный труд. Полагать, что денационализация (приватизация) государственной собственности кардинально изменит положение, наивно. Опросы показывают, что наши люди по-прежнему связывают свою судьбу с заботой государства и в период перехода к рынку. Подавляющее большинство опрошенных во всех регионах страны убеждены, что «государство должно создавать условия для обеспечения работой всех, кто желает трудиться». Российское государство, по мнению значительной части населения, должно оставаться гарантом социальной справедливости, социальной защищенности личности, обеспечивая необходимый прожиточный минимум, оказывая необходимую помощь. Несомненно, что за этими взглядами стоит и традиционный менталитет советского человека, привыкшего к патронажу государства.

В современных условиях все более широкое распространение получает и сравнительно новая точка зрения: сегодня «главное, чтобы люди перестали ждать помощи от государства и надеялись на самих себя» (не согласны с ней лишь около 1/3 опрошенных россиян). Это свидетельствует о достаточно быстро идущем процессе изменения установок массового сознания, росте понимания простой истины, что поддержки всех малоимущих не выдержит ни одна даже самая мощная экономика.

Возможность скорого обвального наступления массовой безработицы означает дальнейшее углубление пауперизации и люмпенизации народа. Доля людей, отчаявшихся изменить свое нищенское положение, уже в настоящее время приблизилась, по данным опросов, к 1/10. Страх перед возможной безработицей испытывали весной ⁴/₁₀ взрослых россиян, живущих в городах (а летом в Ставрополе, Карелии и на Южном Урале —

уже почти $\frac{2}{3}$ опрошенных; данные Центра социологии межнациональных отношений ИСПИ РАН). Люди уверены, что, потеряв работу, будет нелегко найти новую.

Налицо негативные психологические последствия перестройки и постперестройки: весной, отвечая на вопрос «Испытывали ли Вы в течение последнего месяца какие-либо болезненные ощущения?», 69% респондентов назвали нервозность, 67% — угнетенное состояние, 62% — головные боли, 37% — бессоницу. Растет число пациентов с нервно-психическими расстройствами.

Ситуацию усугубляет естественное в подобных условиях резкое ухудшение криминогенной обстановки, лишаящее многих ощущения личной безопасности (на это указывают 67% респондентов-горожан, в той или иной степени не согласных с утверждением «мы (я и моя семья) чувствуем себя в полной безопасности и днем и ночью»). Полностью или частично согласны, что «все граждане должны иметь право на приобретение и хранение огнестрельного оружия» 46% опрошенных (против — столько же).

Апелляция властей к терпению вызывает встречные вопросы: во имя чего и доколе? По данным нашего опроса, резерв терпения у россиян истощается. На вопрос «Как долго лично Вы сможете терпеть рост цен, дефицит товаров и другие тяжелые последствия реформ, проводимых ныне в стране?» 24% ответили «не знаю, но долго терпеть не буду», 8% — «еще два-три месяца», 20% — «еще год-полтора», 28% — «буду терпеть, сколько потребуется», и 27% затруднились ответить. Таким образом, полагать, что большинство россиян будет бесконечно терпимо относиться к ухудшению своего жизненного уровня и при этом сохранять лояльность властям, по меньшей мере, наивно. Половина опрошенных говорила о своей потенциальной готовности принять участие в различных акциях протеста и гражданского неповиновения (в митингах, демонстрациях, забастовках, неуплате налогов, квартплаты и т.п.); при этом примерно $\frac{1}{5}$ часть безусловно «готова идти на баррикады» — активно защищать свои интересы всеми возможными средствами вплоть до вооруженной борьбы.

Война в соседнем доме

Окончание «холодной войны» и расширяющийся переход от конфронтации к сотрудничеству между Востоком и Западом в различных сферах, делая маловероятным глобальный ядерный вооруженный конфликт, создало благоприятные геополитические условия для разрешения внутренних проблем нашей страны. И в то же время нельзя не признать, что ликвидация СССР, международноправовое признание независимости бывших союзных республик как суверенных государств и Российской Федерации как правопреемницы Союза ССР в ООН, образование СНГ и далеко не во всем дружественные отношения между бывшими «братскими» союзными республиками и Россией, создав новые внешнеполитические обстоятельства, объективно усилили роль и значение геополитического фактора как одного из детерминант социальной и политической напряженности внутри республики.

Продолжающиеся вооруженные конфликты в непосредственной близости от границ России в Европе (Югославия) и на территории бывшего СССР (Приднестровье, Закавказье, Средняя Азия), нарушения прав человека в отношении некоренного, русского и русскоязычного населения в бывших союзных республиках, нападения на военные объекты российской армии, на военнослужащих и членов их семей, ультимативные требования немедленного вывода российских войск как оккупационной армии, попытки втянуть армию в межреспубликанские конфликты с элементами интернационализации, национализация военного имущества, оружия, переподчинение частей и соединений и формирование национальных армий, ревизия ряда ранее достигнутых договоренностей со стороны лидеров ставших независимыми государств, в том числе и вошедших в СНГ, территориальные споры и претензии к России оказывают серьезное дестабилизирующее влияние на социальную ситуацию в республике, являются внешними факторами, негативно воздействующими на социально-психологический климат и общественные настроения. Это одновременно и мощный источник политической и межнациональной напряженности, недооценивать который нельзя. Огонь войны, пылающий в соседних домах, может перекинуться и в наш дом.

Общество и армия

В обществе отсутствует ясное представление о роли и месте армии в политической жизни. В мае 1990 г. в программу всесоюзного почтового опроса взрослого городского населения нами впервые включен блок вопросов на эту тему. В то время были выявлены следующие наиболее популярные точки зрения [4]. Первая — «вооруженные силы СССР не могут быть вне политики. В необходимых случаях они должны вмешаться и применить силу, чтобы защитить Конституцию СССР, безопасность и права советских граждан» — была точка зрения относительного меньшинства; в различных регионах страны ее разделяли от 23 до 39% опрошенных. Вторая, противоположная точка зрения — «армия — вне политики. Вооруженные силы СССР не должны привлекаться в ситуациях, связанных с международными отношениями и другими конфликтами внутри страны» — поддерживалась примерно таким же числом людей. Третья, близкая, но все же несколько отличная от второй, разделяющая относительным большинством (45%): «внутри страны в соответствии с законом должны использоваться только внутренние войска МВД. Каждый род войск должен заниматься своим делом». Несомненно, что эти точки зрения отражали те бурные дискуссии, которые породило участие армии в печально памятных событиях в Тбилиси в апреле 1989 г. Прошло два года. Данные всероссийского опроса показывают, что по-прежнему большинство склоняется к мнению «армия — вне политики» (полностью согласны — 40%, частично согласны — 15%, категорически не согласны — 15%, не согласны — 19%, остальные затруднились сформулировать свое мнение).

Два года назад примерно каждый третий-пятый опрошенный (разброс мнений по региону) допускал возможность военного переворота, связывая его с нестабильностью политической и экономической ситуации в стране и борьбой за власть различных течений в высшей партийно-государственной номенклатуре, а 16—25% считали, что «это всего лишь антиармейская пропаганда, проводимая определенными силами, заинтересованными в дестабилизации обстановки в стране». Трое из 100 опрошенных были убеждены в то время, что выступление военных «было бы спасением для страны», значительно большее число (18—30%) полагало, что все эти слухи есть «ничем не обоснованная глупость, досужие домыслы», и что «попытка военного переворота у нас в стране никогда не может случиться». Но был август 1991-го!

Весной 1992 г. наши респонденты оценили вероятность нового политического переворота (неконституционного захвата власти оппозиционными правительству силами) следующим образом: пятьдесят на пятьдесят — так считают 40%, такой опасности сегодня нет — 23%, вероятность переворота очень велика — 16%, остальные (21%) затруднились ответить на этот вопрос. Может ли армия осуществить переворот? 44% опрошенных в той или иной степени согласны с мнением, что «это досужие домыслы и после августа-91 такого не может случиться», и 48%, что «это вполне возможный вариант развития событий». Таким образом, примерно половиной населения армия по-прежнему воспринимается как сила, способная вмешаться в ход событий.

Политические партии и течения различной ориентации предпринимают попытки распространить свое влияние на военнослужащих, несмотря на решение о деполитизации армии и запрет на деятельность в вооруженных силах любых политических организаций.

Положение в вооруженных силах (деструктивные процессы, происходящие в последние месяцы в связи с ликвидацией традиционной структуры управления вооруженными силами, сокращением численности личного состава, конверсией военной промышленности) может быть названо в качестве еще одного сравнительно нового фактора, активно влияющего на социальное самочувствие населения и внутривнутриполитическую обстановку в республике. Для тысяч военнослужащих — это создание национальных вооруженных сил в бывших союзных республиках, в том числе и российской армии и военно-морского флота, это не просто вопрос принятия или не принятия новой присяги, а выбор дальнейшей судьбы, места жительства, личная драма. Распад СССР и раздел вооруженных сил, отсутствие ясных представлений о характере военно-политической доктрины и концепции национальной безопасности Российской Федерации воплотились в дезориентации и деморализации части офицерского корпуса. Сотни тысяч социально недостаточно

защищенных и прежде всего не имеющих жилья офицеров и членов их семей, выводимых на территорию России из стран дальнего и ближнего зарубежья, увольняемых в запас, зачастую пополняющих ряды беженцев, требуют особого внимания и заботы со стороны государства и общества. К сожалению, нет никаких оснований полагать, что найдено удовлетворительное решение данной проблемы. Нельзя не упомянуть и о том, что с распадом Советской Армии непосредственно связаны многочисленные хищения оружия и боеприпасов, образование незаконных военизированных и вооруженных формирований, усугубляющее криминогенную ситуацию. Положение в вооруженных силах осложняется невыполнением плана призыва на воинскую службу, приведшего к недоукомплектованию личного состава частей и соединений и, как следствие, к снижению их боевой готовности. Не будет слишком большим преувеличением сказать, что армия сегодня в большей степени занята решением задач самосохранения, выживания, нежели выполнением возложенных на нее, как государственной 'институт, функций.

Россия единая и неделимая?

Опросы показывают, что общественное мнение допускает и достаточно высоко оценивает вероятность распада России на отдельные республики и земли подобно тому, как рассыпался некогда могучий Советский Союз; (весной 1992 г. 30% респондентов в той или иной степени были согласны с утверждением, что распад России на отдельные земли и республики неизбежен.). Положительно оценивая заключение Федеративного договора, тем не менее нельзя утверждать, что с принятием этого документа полностью устранена опасность такого развития событий, поскольку процесс дальнейшей дезинтеграции единого экономического пространства Союза ССР, ускоряется продолжающейся практикой применения российским руководством так называемого «двойного стандарта» при формировании отношений между Россией и, бывшими союзными республиками и между Россией и бывшими собственными автономиями и областями (Татария, Чечня ИТД).

Региональный сепаратизм, несомненно, не может быть объяснен действием только какой-либо одной причины. Очевидно, что его природа, например, в традиционно русских областях Севера или Юга России на Урале, в Сибири или на Дальнем Востоке несколько иная, нежели в бывших автономных республиках, краях и областях. Общим моментом является лишь то, что он возник как реакция на слабость центральной власти, как ответ на известный призыв Ельцина периода борьбы с Горбачевым: «возьмите столько суверенитета, сколько хотите». Питательной почвой для развития региональной автаркии служат политическая нестабильность, разрушение прежней административно-командной системы управления, активизации локальных элитных групп, в том числе и нарождающейся буржуазии, в борьбе за власть и влияние на местах. В бывших автономиях к вышеназванным факторам добавляется борьба: национальных элит, их стремление утвердить свою власть через суверенитет и обеспечение приоритетного положения национального языка и (граждан коренной национальности. Активно используется для этих целей и возросший интерес к исламу.

Согласно данным опросов, жители областей и бывших автономий РФ считают, что их регионы дают федеральному центру больше, чем получают. Положительное отношение на местах и к принимаемым протекционистским мерам, таким как запреты на вывоз некоторых продуктов питания и товаров за пределы региона; введение местных эрзац-денег и отказ ряда областных советов перечислять налоги в Москву. Напомним, что подобные общественные настроения наблюдались в ряде союзных республик незадолго до их выхода из состава СССР.

Создание в ряде регионов военизированных формирований, не входящих в состав российской армии и внутренних войск, подчиняющихся номинально местному руководству или же не подчиняющихся никому, символизирует утрату контроля федерального правительства над этими территориями. Искушению приобрести собственные карманные армии могут поддаваться и в других регионах, пока еще не имеющих войск. Какими бы соображениями ни обосновывалась политика невмешательства в местные

дела федеральных московских властей, очевидно, что объективно она поощряет силы, не заинтересованные в сохранении территориальной целостности республики. Опасность усугубляется развалом, системы торгово-экономических связей между соседними регионами, между предприятиями—смежниками, расположенными отныне в разных странах, крахом идеи единого рублевого пространства, введением национальных валют, таможен, охраны границ и визового режима поездок и других мер, нарушающих привычный порядок общения жителей прежде единой страны. Негативные экономические и социально-политические последствия вышеназванных действий в обозримой перспективе сегодня трудно переоценить. Социально-психологический ущерб тем более. Теперь уже очевидно, что наиболее серьезные проблемы во взаимоотношениях между бывшими составными частями бывшего Союза впереди.

Нынешнее состояние межнациональных отношений в РФ характеризуется постоянно расширяющимся ареалом напряженности. На вопрос «Возможно ли, по Вашему мнению, в Вашем городе возникновение конфликтной ситуации на почве обострения межнациональных отношений подобно тому, как это было недавно в ряде регионов», 30% жителей российских городов и поселков практически из всех частей республики ответили положительно (58% не видят оснований для беспокойства по этому поводу, 12% затруднились ответить). За средними общероссийскими цифрами скрываются большие межрегиональные различия. Так, например, по данным Центра социологии межнациональных отношений ИСПИ РАН 62% участников опросов-интервью в Ставрополье, 68% - в Карачаево-Черкессии, 28% — в Оренбуржье и 18% — в Карелии в той или иной степени] согласны, * что в межнациональных отношениях жителей региона наблюдается напряженность. Оценка степени напряженности межнациональных отношений зависит от национальности. Обычно представители некоренных этнических групп в национальных регионах оценивают её несколько выше. Признание возможности межнационального конфликта связано и с установкой на потенциальное участие в нем на стороне своей этнической группы (это готовы сделать безусловно или в зависимости от обстановки свыше 70% опрошенных на Северном Кавказе и около 60% в Карелии и на Южном Урале). Мотивировка оправданности подобных действий — убежденность в ущемлении национальных интересов — является общей для представителей как коренных, так и некоренных наций. О степени напряженности свидетельствует достаточно широко распространенное отрицательное отношение к приезду в регион беженцев, особенно из числа лиц некоренной национальности (хотя и приезд русских беженцев, как правило, не вызывает энтузиазма ни у местных властей, ни у жителей, нуждающихся в улучшении жилищных условий), и одобрительное отношение к отъезду из региона лиц некоренной национальности. Снизилась степень толерантности к представителям неславянских народов, и прежде всего выходцам с Кавказа в крупных российских городах.

Большая часть населения крайне низко оценивает решения руководства РФ в сфере межнациональных отношений, полагая, что они непродуманны и нередко сами провоцируют конфликты, чаще всего запаздывают и поэтому направлены лишь на локализацию конфликтов, а не на их предупреждение, и, наконец, неэффективны, так как не выполняются на местах. И все же нельзя не сказать о том, что, несмотря на известное обострение проблемы межэтнических отношений, большинство граждан России не придерживаются националистических взглядов, и права личности для них приоритетны по отношению к правам нации. Это не исключает, впрочем, возможности роста националистических настроений среди некоторых категорий населения в связи с общим или локально-региональным ухудшением экономической и демографической ситуации, «выживанием» русского населения из ряда бывших союзных республик и автономий, политизацией национально-культурных движений и конфессий.

Политический ринг

Определяющей тенденцией в расстановке политических сил первой половины 1992 г. стало идейное и организационное оформление политической оппозиции, вызвавшее в качестве реакции и попытку объединения проправительственных партий и движений. Мы не будем излагать здесь подробно хронику этого процесса и ограничимся лишь

несколькими моментами, имеющими отношение к позициям общественного мнения.

Начало этому процессу было положено образованием в декабре 1991 г. национально-патриотическими силами Русского общенародного союза, созывом в феврале 1992 г. Конгресса гражданско-патриотических сил. Стремление к организационному блокированию политических партий, выступающих с близких политических позиций, проявилось затем и в деятельности партий и движений социалистической и коммунистической ориентации, образовавших движение «Трудовая Россия»

В июне умеренно-центристские партии, выступающие с общедемократических позиций, создали коалицию «Гражданский Союз», а национально-патриотические движения и «Трудовая Россия» образовали «Русский национальный собор». Таким образом налицо размежевание оппозиционных сил: с одной стороны, блок «Гражданский Союз» как лояльная оппозиция, претендующая на статус самостоятельной политической силы с отличной от правительства программы, с другой — блок «Русский национальный собор» как радикальная оппозиция.

В начале июля была предпринята попытка объединения сил, поддерживающих курс правительства, был проведен Форум сторонников реформ. Инициаторы мотивировали необходимость его проведения следующими причинами: нарастающей, по их мнению, «красно-коричневой» опасностью, иначе говоря, активизацией деятельности оппозиционных коммунистических сил; возникновением аппаратно-номенклатурного варианта реформ; поддерживаемого «Гражданским Союзом» или блоком Руцкого—Вольского—Травкина, неэффективностью власти и растущей апатией населения. Объединить усилия по поддержке правительства договорились: Общественный комитет российских реформ, парламентская коалиция реформ, члены парламентской группы «Реформа», движение «Демократическая Россия», Народно-патриотическая партия, Республиканская партия России, Лига предпринимателей и кооператоров, Российское движение демократических реформ, организации защитников Белого дома и ряд других, создавшие блок «Демократический выбор».

Весна 1992 г. внесла определенные изменения и в соотношение противостоящих групп в Верховном Совете и на Съезде народных депутатов Российской Федерации. Состоявшийся в апреле VI Съезд народных депутатов РФ еще до открытия был объявлен близкими к правительству политическими группировками антиреформаторским. Он еще не открылся, а «Демократическая Россия» и РДР уже требовали его роспуска. Прошли Форум сторонников реформ и Собрание граждан РФ, призванные по замыслу их организаторов, стать альтернативой съезду. Антисъездовской по сути являлась и позиция Президента Б.Н. Ельцина. По существу был поставлен вопрос о ревизии всей структуры органов представительной демократии в нынешнем варианте, ликвидации советов.

Если на первых съездах народных депутатов России противостояние шло, в основном, по линии блоков находящихся у власти коммунистов и оппозиционных им демократов, то на последнем наблюдалась качественно иная картина. Подавляющее число разделилось на три большие группы: оппозиционную правительственному курсу фракцию «Российское единство» (310 депутатов), коалицию в поддержку реформ (примерно 300 депутатов) и центристский блок (164 депутата). Причем в блок «Российское единство» вступила и часть депутатов, выражающих взгляды партий и движений либеральной ориентации, таких как Партия народной свободы (конституционные демократы) во главе с М. Астафьевым, и Христианское демократическое движение (ХДД) во главе с В. Аксючицем, перейдя в оппозицию правительству вместе с российскими коммунистами, аграрниками и государственниками из фракции «Россия» во главе с С. Бабуриным. Тем самым коммунисты и антикоммунисты объединились на платформе критики Действий правительства и Президента.

Съезд, несомненно, сыграл важную роль в сложный период становления нового политического режима. В ходе его работы отчетливо выявились расстановка политических сил в депутатском корпусе, сильные и слабые стороны данного института представительной демократии. Неподготовленность многих депутатов к решению сложных политических и экономических вопросов, отсутствие ясных представлений о национальных интересах и приоритетах, склонность к митинговому характеру обсуждения не позволили съезду найти решение таких важнейших проблем, как вопрос о новой Конституции

РФ, о земельной реформе, о частной собственности, о внешней политике и отношениях со странами СНГ.

Все это не могло не найти отражения в негативных оценках эффективности деятельности съезда общественным мнением. Опросы показывают продолжающееся падение авторитета народных депутатов. У большей части из них нет шансов на переизбрание. По нашим данным, если бы новые выборы состоялись весной 1992 г., то за переизбрание нынешних народных депутатов РФ голосовало бы лишь 10% избирателей, против — 56%. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в мае в 28 городских и сельских населенных пунктах России, «совсем не доверяют» Верховному Совету РФ 40% опрошенных.

Здесь вполне закономерен вопрос какие политические силы поддерживает народ, кто, по мнению россиян, способен вывести республику в «светлое будущее»? Результаты опросов свидетельствуют, что абсолютное большинство опрошенных во всех регионах, как и в предыдущий год, не симпатизирует никакому политическому движению, не поддерживает ни одну политическую партию или движение, не знакомо с их программами, и в лучшем случае слышало имена лидеров, их выступления по телевидению, читало газеты или листовки. Если бы выборы по партийным спискам состоялись весной этого года, то согласно данным опроса, 33% избирателей голосовали бы за кандидатов «Демократической России», 28% отдали бы свои голоса Народной партии Свободной России (бывшая парламентская фракция «Коммунисты за демократию»), и по 19% — Демократической партии России и Движению демреформ. Разумеется, эти цифры в значительной степени условны, отражая в общих чертах скорее картину ориентированности электората в отношении политических сил различной ориентации, нежели возможные итоги голосования (мы не приводим данных по партиям и движениям, за которые намерены голосовать лишь по несколько процентов опрошенных). Эта картина отличается от спектра симпатий, который мы фиксировали в предыдущем году весной и осенью, и достаточно быстро может измениться в зависимости от развития событий на политической сцене и в сфере экономики.

В последнее время влияние сил демолиберальной ориентации снижается. Численность членов партий данного направления невелика, роста рядов практически нет. Среди демократов нет единства по вопросам стратегии и тактики осуществления дальнейших реформ. Устранение с политической сцены общего врага в лице КПСС вызвало к жизни внутренние противоречия в этом политическом лагере, способствовало размежеванию и неудовлетворению амбиций ряда известных деятелей, оказавшихся вне президентской команды.

После августа 1991-го исчезла та путаница с определением понятий «левый-правый», которая присутствовала в терминологии антикоммунистической оппозиции при существовании КПСС. К началу лета обозреватели стали говорить о наметившейся тенденции усиления влияния левых оппозиционных нынешнему режиму сил социалистической и национально-патриотической ориентации. Тем не менее у значительной части населения сохраняется настороженное отношение к коммунистам, поскольку, во-первых, тяжелое нынешнее положение связывается с бездарным руководством КПСС, и, во-вторых, лимит доверия населения к демократическим лидерам еще не исчерпан окончательно, хотя и значительно уменьшился. Вот почему на политических подмостках активизировались актеры, не афиширующие своих идеологических пристрастий. Можно тем не менее утверждать, что в настоящее время в России нет партии или движения, которое имело бы широкую социальную базу и могло бы контролировать ситуацию в случае возникновения социальных волнений.

В 1992 г. усилилась борьба за контроль над средствами информации, захватив и парламент, что повлекло за собой рост публикаций в массовой печати разнообразных предсказаний грядущих народных восстаний. Преподносимые зачастую как не вызывающие сомнения прогнозы, они способны оказывать провоцирующее воздействие на сознание части населения. Такие действия прессы дезориентируют массовое сознание и являются дестабилизирующими элементами социально-политической ситуации.

Доверие руководству страны

Доверие населения высшему руководству страны в значительной степени определяется эффективностью проводимой им внутренней и внешней политики, реализации социальных ожиданий, связанных с проводимыми и предполагаемыми реформами. Нынешнее руководство страны получило власть из рук «прорабов перестройки», призывавших к модернизации советского социалистического государства, а на деле разрушавших его. Отвечая на вопрос «Если бы Вы в 1985 году знали, что будет сегодня, к чему приведут начавшиеся в стране перемены, Вы поддержали бы их тогда или нет?», около половины опрошенных ответили отрицательно. (46% участников всероссийского почтового опроса взрослого городского населения, 60% участников опроса-интервью в Ставрополье, Оренбургской области, Карелии, Карачаево-Черкессии). Примерно третья часть респондентов ответила на этот вопрос положительно (36%;— во всероссийском опросе, 21% —в Ставрополье, 22% - в Карачаево-Черкессии, 26% - в Оренбурге, 31%- в Карелии). Остальные затруднились определить свое мнение.

По отношению к событиям 1991 г. общественное мнение расколото. Распад СССР многими россиянами воспринимается как искусственное разрушение исторически сложившейся социальной общности, а СНГ как нежизнеспособное временное образование. Весной в той или иной степени были согласны с мнением, что «СНГ скоро распадется» около 2/3, и почти 1/3 взрослых жителей России полагала, что «нужно любой ценой восстановить прежний Союз ССР» (соответственно 61 и 32%). Можно по-разному относиться к носителям таких взглядов, но доля их слишком велика, чтобы не принимать ее во внимание.

По-видимому, нельзя ставить в вину нынешнему правительству то, что за столь короткий срок оно не сумело устранить глубинные причины, обусловившие вхождение страны в кризис. Руководители страны не сумели сделать этого и за предшествующие годы так называемой перестройки. Основные причины кризиса продолжают действовать и в текущем году. Но нельзя не признать как бесспорный факт и то, что набирают силу новые опасные тенденции и деструктивные процессы, являющиеся непосредственным следствием проводимого высшим российским руководством политического и экономического курса.

Лишь незначительная часть — 1/7 взрослого городского населения России — верила весной 1992 г., что повышение цен на продукты питания, промтовары и услуги, наглядно олицетворяющее в глазах граждан суть реформаторского курса, поможет вывести нашу страну из кризиса. Большинство (67%) же этому попросту не верило.

В массовом сознании укореняется стереотип того, что правительство, следуя установкам лидеров западных держав и МВФ, проводит политику, идущую вразрез с коренными интересами народа, которая может привести к «колонизации» России экономически развитыми странами (подобную точку зрения разделяют 35% респондентов — горожан), что «реформаторы, выступающие за рынок и демократию на западный манер, не понимают России» (59%). 3/4 россиян уверены в том, что любые территориальные претензии к России должны быть отвергнуты, а Крым и другие бывшие русские территории возвращены в ее состав; более половины — против возможной передачи Японии южно-курильских островов.

В балансе мнений о нынешнем руководстве страны перетягивают критические суждения: весной 16% горожан полагали, что оно проводит в целом правильную политику и, хотя в процессе ее реализации встречается значительные трудности, уже добилось некоторых положительных результатов; 24% признавали лишь, что оно имеет хорошие идеи, но не умеет их реализовать; у 21% вызвала очень много возражений и намеченная программа мер, и то, как она проводится в жизнь; наконец, 30% были убеждены, что нынешнее руководство не способно решить стоящие перед страной проблемы (9% затруднились ответить на этот вопрос).

Социальная и социально-политическая обстановка в Российской Федерации, сложившаяся к моменту написания этой статьи, была внешне спокойной при сохраняющемся высоком уровне социальной и политической напряженности. Правительству, решившемуся на проведение мер «шоковой терапии», удалось сохранить контроль над ситуацией, локализовать отдельные социально-трудовые конфликты, не допустить их перерастания в крупномасштабные социально-политические выступления трудящихся.

Но уже в настоящее время быстро увеличивающийся разрыв между социальными ожиданиями, надеждами на скорые перемены к лучшему и направленностью происходящих изменений, между представлениями людей о нормальной жизни и их реальными жизненными условиями порождает фрустрацию на индивидуально-психологическом уровне и ведет к опасному накоплению массового недовольства в обществе. Падает доверие к высшему российскому руководству, к законодательной и исполнительной власти. В обществе усиливается правовой нигилизм. Противостояние различных политических сил нарастает. Слабость политической власти ощущается практически всеми слоями общества. Сложность переживаемого момента в том, что Президент и его окружение связали свою судьбу с концепцией быстрых и радикальных преобразований, заняли крайнюю позицию, которая отталкивает от высшего руководства значительную часть прагматически мыслящих политиков, хозяйственников, военных, ученых, заставляя их бороться либо за замену президентской команды, либо за отстранение от власти самого Президента.

Прошедшие с начала реформ месяцы не привели к снижению социальной напряженности в республике, не принесли России облегчения. Диагноз и прогноз развития социальной и политической обстановки, сделанный нами осенью 1991 г. [5], подтвердился. Впереди трудные времена. Но едва ли следует истерически драматизировать динамику развития ситуации, предсказывая катастрофу, крах демократии в России, как это делается в ряде пророчеств теряющих власть и поддержку избирателей деятелей. Думается, что и противостоящие, политические силы, и наш народ чувствуют ответственность за судьбу Отечества и не позволят втянуть себя в авантюру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пресс-конференция министра социальной защиты РФ Э. Панфиловой и заместителя министра труда и занятости населения Ф. Прокопова // Известия. 1992. 20 февр.
2. Аргументы и факты. 1992. Июль.
3. Независимая газ., 1992. 17 мая (со ссылкой на «Интерфакс»).
4. Рукавишников В. О. Пик напряженности под знаком белого коня // Социол. исслед. 1990. N 10.
5. Рукавишников В. О., Иванов В. Н., Козлов В. Б. и др. Социальная напряженность: диагноз и прогноз // Там же. 1992. N 3